

Живые и мёртвые

Автор:

[Зинаида Гиппиус](#)

Живые и мёртвые

Зинаида Николаевна Гиппиус

«Шарлотта была дочерью смотрителя большого лютеранского кладбища за городом. Почтенный Иван Карлович Бух занимал это место уже много лет. Тут родилась Шарлотта, тут он недавно выдал замуж старшую дочь за богатого и молодого часовщика. Матери своей Шарлотта не помнила – знала только, что она не умерла: ее могилы не было в «парке», среди всех могил. Отца она расспрашивать не смела. Он, несмотря на свою мягкую доброту, хмурил белокурые брови, и все его красное, полное лицо делалось не то сердитым, не то печальным, когда дети говорили о матери...»

Зинаида Гиппиус

Среди мертвых

I

Шарлотта была дочерью смотрителя большого лютеранского кладбища за городом. Почтенный Иван Карлович Бух занимал это место уже много лет. Тут родилась Шарлотта, тут он недавно выдал замуж старшую дочь за богатого и молодого часовщика. Матери своей Шарлотта не помнила – знала только, что она не умерла: ее могилы не было в «парке», среди всех могил. Отца она расспрашивать не смела. Он, несмотря на свою мягкую доброту, хмурил белокурые брови, и все его красное, полное лицо делалось не то сердитым, не то

печальным, когда дети говорили о матери.

Иван Карлович был очень дороден, почти лыс и весел. Он любил свой беленький домик за оградой кладбища, убирал палисадник и террасу вьющимися растениями и всевозможными цветами. Парусинные занавески на террасе были обшиты красивыми кумачными городками. В прохладной столовой, в окнах, Иван Карлович придумал вставить цветные стекла, желтые и красные, и, хотя стало темнее – однако свет через эти стекла лился необыкновенно приятный, точно всегда на дворе было солнце.

Служебные книги Ивана Карловича содержались в чрезвычайном порядке. Все могилы были пронумерованы, и записано, сколько на летнее украшение каждой оставлено денег. В первой, приемной, комнате, большой и пустой, стояла лишь конторка и темные стулья. По стенам были развешаны, в стеклянных коробках, большие и маленькие венки из иммортелей, из шерсти, из лоскутков, из больших бус – и из самого мелкого бисера. Эти венки в совершенстве работали Шарлотта и, до замужества, сестра ее Каролина. На столе, в углу, лежало множество толстых альбомов, где находились рисунки и модели разных памятников и примерные надгробные надписи на немецком языке. Когда бывали посетители, Иван Карлович держал себя с большим достоинством, почти с грустью, но в прочее время был жив в движениях, несмотря на полноту, любил посмеяться так, что все его тучное тело колыхалось, сам кормил голубей и воспитывал каких-то особенных индюшек, а вечером его непременно тянуло перекинуться в картишки с соседями из Немецкой улицы, и, если никто не приходил, он сам отправлялся в гости.

II

Шарлотта сидела у себя, наверху, в маленькой беленькой комнате-светелке, где она прежде жила с сестрой и которую теперь занимала одна. Шарлотта, хотя и любила сестру, радовалась, что она одна. Каролина, высокая, румяная хохотунья, вся в отца, иногда тревожила молчаливую Шарлотту, которая была бледна, невесела, худощава и мала ростом. В немецкой школе, куда она ходила несколько лет подряд, девочки не любили ее, хотя она была и хорошенькая. «Твоя сестра какая-то неживая, – говорили они Каролине. – До нее дотронуться страшно: точно фарфоровая, того и гляди разобьется». Между тем домашний

доктор Финч, друг Ивана Карловича, не находил в ней никакой болезни, советовал только больше гулять. И Шарлотта часто проводила дни в густом кладбищенском парке, работала там, низала бисер и бусы для бесконечных венков.

Теперь Шарлотта сидела наверху, на своем любимом месте, с левой стороны широкого венецианского окна. Шарлотта не была в парке уже давно, она ушибла ногу и не могла ходить. Сегодня ей было лучше. День, несмотря на конец апреля, казался теплым и ярким, как летний. Бледно-зеленые, сквозные березы едва колебали вершины. Отсюда, с высоты второго этажа, очень хорошо была видна и средняя аллея, и ряды белых и черных крестов среди зелени, даже часовня над фрау Зоммер и памятник генерала Фридерикса. Шарлотта знала, что, если прищурить глаза, можно увидеть отсюда и решетку могилы маленького Генриха Вигна. Но с любимого места Шарлотты все пространство кладбища, песок аллеи, деревья, белые камни памятников – казались другими, совсем неожиданными. Когда Иван Карлович вставлял в окна столовой красные и желтые стекла – ему по ошибке прислали одно голубое. Шарлотта упросила, чтобы это стекло вставили в ее комнате, с той стороны окна, где она любила работать. И все изменилось в глазах Шарлотты: бисерные незабудки стали синее, бесцветная ромашка нежно окрасилась. На белой скатерти легли голубые полосы, горящие холодно и бледно, как болотный огонь. А там, за окном, точно мир стал другим, прозрачный, подводный, тихий. Кресты и памятники светлели, озаренные, листва не резала глаз яркостью, серел песок дорожки. Однообразная, легкая туманность окутывала парк. А небо голубело такое нежное, такое голубое и ясное, каким Шарлотта видела его только в раннем детстве, на картинках, – и еще иногда во сне.

И когда Шарлотта отрывалась от своего окна, от работы, шла вниз обедать, видела сестру, отца – все кругом ей казалось слишком резким, слишком красным. Кровь проступала сквозь полную шею и лысый череп отца и сквозь нежную кожу румяных щек Каролины. И Шарлотта опускала глаза, тихая, еще более бледная, точно на лице ее оставался отблеск голубого окна.

С парком все-таки Шарлотта мирилась. Она привыкла и видела его уже всегда таким, как из своей комнаты. Она очень скучала о нем в эти последние долгие дни. Ей так хотелось посмотреть, все ли там по-прежнему, как поживают ее милые, тихие друзья, не упал ли крест фрау Теш, который было покосился, не сорвал ли ветер шерстяного венка с могилы Линденбаума. Венки тогда плохо прикрепили. У Шарлотты были любимые могилы, за которыми она особенно

ухаживала. Многих и родные не посещали, забыли или сами умерли, а Шарлотта из года в год лелеяла их, украшала дерном и цветами. С весной по всему парку, отовсюду, поднималось под своды вековых деревьев тяжелое благоуханье могильных цветов.

«Уже садовник три раза приходил к папаше, – подумала Шарлотта. – Верно, там много сделали. Нет, надо пойти».

Она не выдержала, хотя еще была не совсем здорова, схватила большой белый платок, накинула его на свои толстые, льняные косы, которые она укладывала венцом вокруг головы, и сошла в парк.

III

Но теперь цветами не пахло в аллеях – их только рассаживали, они не успели распуститься. Даже сирень, которой было очень много, еще сжимала крепко свои зелено-белые и густо-лиловые бутоны. Пахло клейкими листьями березы, молодой травой и невинными желтыми звездами одуванчиков, рассыпавшимися по обеим сторонам аллеи, у решеток и за решетками могил.

Поскрипывая каблучками по песку, Шарлотта шла прямо. Вверху молодая листва еще не успела соединиться, и Шарлотта видела, поднимая глаза, небо.

Посетителей почти не бывало в этот час. Шарлотта избегала чужих: они ей мешали. Она не любила похорон, не любила и боялась покойников. Скорее, скорее надо их спрятать в землю, насыпать красивый, правильный бугорок, положить свежий дерн... По утрам в сирени поет соловей, роса мочит дерн и черные, крупные аютины глазки у креста. И их нет, тех длинных, холодных, желтых людей, которых приносят в деревянных ящиках. Есть имя, быть может, есть воспоминание – след в сердце, – и есть свежий дерновый бугорок.

Шарлотта никогда не думала о костях людей, могилы которых она лелеяла и убирала. Они были всегда с нею, всегда живые, невидные, бесплотные, как звуки их имен, всегда молодые, неподвластные времени. В уголке, в конце второй боковой дорожки, были две крошечные могилки. Надпись на кресте гласила, что это Фриц и Минна, дети-близнецы, умершие в один день. Шарлотта особенно любила Фрица и Минну. Когда истлевший крест упал, она на свои деньги поставила им новый, маленький беленький крестик. Давно умерли Фриц

и Минна. Судя по надписи, это было до рождения самой Шарлотты. Но они вечно остались для нее двухлетними детьми, маленькими, милыми, из году в год неизменными. Она сама садила им цветы и баловала их венками, искусно сделанными из ярких бус.

Теперь Шарлотта прежде всего направилась к Фрицу и Минне. По дороге она заглянула в склеп баронов Рейн. Там было очень хорошо. Белая часовня с резными окнами. Внутри – алтарь, несколько белых стульев, лампада. Огонек ее чуть заметен, яркое солнце бьет в дверь часовни. Направо от входа витая лесенка ведет вниз, в самый склеп. Ступени широки и белы, лестница так светла и уютна, что кажется наслаждением спускаться по ней. Рядом, на могиле какого-то Норденшильда, на руке громадного ангела в неестественной позе, некрасиво висел полузасохший венок. Шарлотта поправила венок и прошла. Она не любила Норденшильда. Вообще могилы с гигантскими памятниками, всегда неуклюжими, с длинными надписями и стихами – очень не нравились ей: тут уже не было воспоминаний и не было тишины: ее нарушала суетливая глупость живых.

Шарлотта повернула направо, на маленькую дорожку, очень узенькую, извивавшуюся между бесконечными решетками и крестами. Стало тенистее, сырее: весенняя земля еще не успела просохнуть. Ряды знакомых могил потянулись перед Шарлоттой. Госпожа Айн, ее муж... А вот небольшая, широкая могила генерала с его портретом на кресте. Он такой веселый и милый, этот генерал, что Шарлотта всегда отвечает ему улыбкой. Она повернула направо – вот, наконец, Фриц и Минна. Бедные дети! Сейчас видно, что нет Шарлотты. Когда в последний раз перед своей болезнью она приходила сюда – Фриц и Минна были еще покрыты белым одеялом позднего снега. Снег не счистили вовремя, он стоял тут и оставил долгую сырость. Трава неохотно пробивалась на неочищенных могилках. Сухие ветки лежали кругом.

– Бедненькие мои! – прошептала Шарлотта. – Погодите, завтра же я вас приберу, цветов вам посажу... Марк мне даст цветов, – подумала она о старом садовнике, который очень любил ее.

Одно тут, около Фрица и Минны, не нравилось Шарлотте: наискосок, очень близко, возвышался гигантский памятник над инженером-механиком. Черный чугунный или железный крест поддерживался колесами то зубчатыми, то простыми, связанными цепями. Затейливый, высокий и тяжелый памятник, все эти цепи и колеса, которыми занимался когда-то инженер и, уйдя с земли,

оставил на земле – казалось, давили могилу. Темный, слишком высокий, крест в сумраке должен был походить на виселицу. Шарлотта сердилась на инженера: ей было досадно, что этот глупый и страшный памятник как раз около ее детей.

Она подошла ближе и подняла голову. Колеса и цепи были незыблемы и неприкосновенны. Только слегка заржавели от снега. Такой мавзолеей простоит долго, очень долго.

Шарлотта вздумала пройти на крайнюю дорожку, около высокого, старого забора из досок, выходявшего на непросохшие еще луга, на дальний лес за речкой. Шарлотта видела эти луга и лес сквозь щели серого забора.

Крайняя дорожка шла параллельно главной аллее, хотя вдалеке от нее, была узка и очень длинна, вдоль всего кладбища. Тут было еще не тесно, могилы шли реже. Одно место особенно любила Шарлотта: в кустах белой сирени, на старой скамье, недалеко от Фрица и Минны, она сидела летом целыми часами с своей неизменной работой.

Шарлотта сделала несколько шагов – и вдруг остановилась в изумлении. Что это такое? Ее место занято. Когда это случилось? Как она просмотрела? Правда, она не заходила сюда, в эту глубь, с самой осени. Она почему-то была убеждена, что все по-старому, что никто не займет ее любимого места. Сирени, свежие, блестящие, чуть колебали гроздь своих бутонов. Но теперь все сиреневые кусты были заключены в легкую, очень высокую металлическую решетку с остриями на концах. Шарлотта подошла ближе. В решетке была дверь, которая сейчас же свободно и бесшумно отворилась. Шарлотта вошла внутрь.

Там, на широком четырехугольном пространстве, была всего одна могила. Под сиреневым кустом стояла гнутая деревянная скамейка. Свежий дерн обнимал могилу. Наверху она вся была сплошь засажена темно-лиловыми, крупными фиалками, которые тяжело благоухали. Простой крест из серого мрамора на невысоком подножье стоял у одного конца могилы. Подойдя еще ближе, Шарлотта различила у этого подножья белый мраморный медальон, круглый, с белым же, едва заметным, профилем. Рельеф был так низок, что очертанья лица казались почти неуловимыми. Шарлотта различила прямую линию носа, откинутые недлинные волосы, лицо девическое или юношеское. Еще ниже чуть мерцала простая надпись, по-русски:

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/gippius_zinaida/zhivye-i-mertvye

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)